Нет повести печальнее на свете

Концерт для угасающей звезды с оркестром

Культура. – 2000. – 12–18 окт. – с. 10

Фото Н.ЛОГИНОВОЙ

Г.Горчакова

Собственно, героев с незадавшейся судьбой было два. Тот, что формально главенствовал на вечере в БЗК, некогда назывался Московским камерным оркестром (или баршаевским). История гласит: владел умами, прославлял Отечество, подвигал на сочинительство композиторов, которые потом и презентовали ему свои опусы (Караев, Шостакович, Рэтс в их числе)... Сегодня он зовется даже звонче: Государственный академический камерный оркестр России. Но видом бескрыл и схож с пенсионером, который шамкает под вечер: "День прошел, и слава Богу!" Пенсионеру между тем в апреле стукнет 45. И, будто опасаясь, много ли у него впереди деньков, он решает некруглую, но впечатляющую дату праздновать как юбилейную – весь сезон. Каким будет кульминация празднеств – вопрос (желаем от души удачи). Но старт был и неловок, и печален.

Не о таком, конечно, хлопотал глава оркестра, выставляя в афишу имя Галины Горчаковой. Звезда Мариинки, признанная в 1994-м на Альбионе лучшей певицей года и являвшаяся то в Мет, то в Опера Бастий, то в Скала, должна была полыхнуть петардой. Но или давно ее не слушал Константин Орбелян, или не слышал до этой встречи вовсе. Потому что еще три года назад Горчакова ошарашила Москву невиданной формой, да, по всему, до такой степени, что полюбопытствовать, а не изменилась ли ситуация с тех пор, пришла лишь горстка меломанов.

А ситуация изменилась. Но не в ту сторону, о которой мечтали бы поклонники питерской дивы. Бархатно-глубокого, прекрасно-самодовольного голоса нет. Есть его следы в верхнем регистре (следы – потому что по-прежнему красивый звук расфокусирован). Они одни – напоминание о том, как богато эта женщина была одарена. Что страдания Сантуццы, Аиды или Адриенны, представленные ею в концерте, по сравнению с той драмой, которую переживает она сама? И это драма шекспировского толка. Потому что победительная красавица уже не солистка Мариинского театра – Гергиев не продлил с ней контракта. Потому что сытый оперный мир отбрасывает ее, как обглоданную косточку. Потому что она кидается в крайности, ища спасения даже у экстрасенсов (верный знак, что не понимает, отчего ее чудо-голос уходит). Потому, наконец, что угасание этого голоса – потеря не одной отдельно взятой певицы, а чувствительный удар по всему отечественному искусству.

Поставить в ряд с этой драмой перекраивание программы, сделанное в последний момент Орбеляном (была инструментально-оперная с обещанием Квартета Бородина, стала чисто оперной)? Отметить, что вышла она донельзя банальной? Придраться к тому, что Верди у оркестра вышел размазанным, а здоровяк Масканьи – сладким, присовокупить имя еще одного участника концерта – мариинца Григория Заставного (грамотного баритона, но и только)? Сказать о совершенной сырости заключительной сцены из "Онегина", призванной стать блестящим апофеозом вечера, но ставшей его печальным итогом?.. Все это теперь ввиду горчаковской драмы – укус комара.

Лариса ДОЛГАЧЕВА